

Обухова Елена Николаевна

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРА: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме методологических оснований для изучения феноменов гендерных отношений в современных гуманитарных науках. Значимость данной проблематики обусловлена своего рода гендерным поворотом в философии человека, происходящим с середины прошлого столетия. В нашей работе мы рассматриваем социально-философские и политико-философские основания для такой методологии, раскрывающиеся в ходе анализа влияния гендерных отношений на политические процессы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 131-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1:3+1:93

Философские науки

Статья посвящена проблеме методологических оснований для изучения феноменов гендерных отношений в современных гуманитарных науках. Значимость данной проблематики обусловлена своего рода гендерным поворотом в философии человека, происходящим с середины прошлого столетия. В нашей работе мы рассматриваем социально-философские и политико-философские основания для такой методологии, раскрывающиеся в ходе анализа влияния гендерных отношений на политические процессы.

Ключевые слова и фразы: гендерная политика; политика гендера; перформативность; контингентность; закрепление опыта.

Обухова Елена Николаевна

*Российский государственный гуманитарный университет
deva82@yandex.ru*

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРА: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ[©]

Под термином «гендерная политика» подразумевается одно из направлений социальной политики государства. К примеру, государственные органы могут регулировать равноправие или неравенство полов в сфере политики, науки, искусства, руководства общественной сферой и промышленностью. Гендерная политика может быть направлена на преодоление гендерной асимметрии или же на ее закрепление. При всех частных различиях гендерная политика – это управление/регуляция гендерными отношениями «сверху», на основании заданного социально-политического концепта, осознанной и разработанной идеологии, следования провозглашенным (программным) ценностным приоритетам. Политика в таком ракурсе представляется чем-то самостоятельным и достаточным, тогда как гендер (гендерные отношения) предстает объектом воздействия, упорядочения, окультуривания и т.д.

Гендерная политика представляется сегодня достаточно разработанной частью социальной философской проблематики гендерных отношений [1; 7; 8].

Понятие «политика гендера» включает в себя смыслы обратного действия – влияние гендера на политику. В нем заложено не какое-то рационально выраженное управление гендером политики, а его косвенное, не прямое, подчас скрытое, но при этом, в некоторых случаях, чрезвычайно действенное влияние на государственную и мировую политику в лице различных институций, его представляющих. У гендера нет собственной централизованной государственной или межгосударственной политической институции, которая аккумулировала бы проблемную область гендерных отношений и воплощала бы их в политических решениях и требованиях. Гендерные отношения представлены большим числом общественных организаций, стихийных движений, всякого рода представительств, публично выражаемых позиций, интернет-сообществ и т.д. Их цели могут быть самыми разнообразными, разнонаправленными и даже взаимоисключающими. Однако динамика разрастания гендерных отношений последних десятилетий такова, что подавляющее число политиков, парламентам и правительствам всех уровней так или иначе вынуждены не только давать ответы на запросы общественности, но и перестраивать свои предвыборные программы в соответствии с этими стихийно формирующимися запросами. Политик в современном демократическом государстве уже не может демонстративно проигнорировать гендерные требования, не нанеся при этом ущерб своей репутации и своему политическому будущему. Не только отдельные политики, но целые политические партии, движения, парламентские фракции и блоки вынуждены сегодня реагировать на гендерную динамику. По сути, гендерные отношения сегодня задают повестку дня для предвыборных дебатов, заседаний парламентам и правительств, влияя тем самым на весь политический ландшафт. Это происходит в США, Канаде, странах Евросоюза, на части постсоветского пространства и, в известном смысле, в России.

Такое обратное влияние гендера на политику мы называем «политикой гендера», которая в отличие от «гендерной политики» еще не получила столь основательной теоретической разработки, прежде всего – в области социально-философского знания. На первый взгляд, обращение к политике гендера подводит к необходимости вести обратный отсчет от гендерной политики. Однако обратная перспектива применительно к определению механизмов формирования политики гендера не позволяет схватить ее сущностные, прежде всего, *операциональные* особенности. Иначе говоря, если в политике гендера мы будем стремиться усматривать ту же самую, хоть и перевернутую, модель транзисии разрозненных ценностных установок, сформулированных позиций и т.п. в политическое требование, то мы тем самым откроем только внешнюю, видимую часть процесса. Эта часть политики гендера легко интерпретируется, но в данной интерпретации упускается нечто важное. Итак, ценности, идеи, установки развивающихся гендерных отношений, согласно данному подходу, которые отвечают «духу времени», получают свое консолидированное фактическое (политическое) воплощение в оформленных требованиях гендерных организаций и движений, а в последующем – в повестке дня политических партий и парламентам.

Что же упускается в этой схеме? Попробуем первоначально поставить несколько дополнительных вопросов, которые помогут разобраться в смысле вопросов, представляющихся здесь главными: как, в результате каких операций, сохраняются и поддерживаются гендерные различия? Как, в результате каких операций появляются новации в гендерных отношениях? И, наконец, как, в результате каких операций закрепляются одни гендерные новации и бесследно исчезают другие? Традиционное – идеологическое – объяснение меньше всего сосредоточивается на этом «как, в результате каких операций», концентрируясь, главным образом, на абстрактных понятиях, таких как «преемственность идей», «привлекательность», «соответствие/несоответствие – духу времени» и т.д.

С нашей точки зрения, привнесение перформативного измерения в исследование гендерных отношений позволит преодолеть вышеприведенный идеологический схематизм в описании и понимании их разрастания и влияния на политику. Необходимо от объяснения «само собой» преемственных идей и ценностей в разрастании гендерных отношений перейти к объяснению *операциональных механизмов* гендера. В этой связи важно прояснить вопросы: что лежит в основании гендерной новации – идеи, ценности или спонтанное действие? Как, в результате каких операций, действий закрепляются (оседают) одни и исчезают другие гендерные новации? Эти новации объективируются в социуме под определяющим воздействием некоей социальной онтологии или их объективация происходит *случайно* (контингентно)?

В связи с переносом исследовательского фокуса на со-бытийный характер проявления гендера необходимо прояснить смысл понятия «перформанс». Термин «перформанс» (англ. *performance* — исполнение, представление, выступление) – чаще всего применяется в значении формы современного искусства, в которой действия художника (в определенном месте и в определенное время) и являют собой его произведение. Перформансом также называют публичное создание артефакта по принципу синтеза искусства и не-искусства, которое не требует специальных профессиональных навыков и не претендует на долговечность [9].

В целом, разделяя предложенные интерпретации перформанса, мы также включаем в него действия, осуществляемые не только художником (в качестве ролевых игр, драматических инсценировок и т.д.), но и всяким другим человеком. При этом важно то, что эти действия «вбрасываются» в сферу публичной жизни и политики. Они могут быть как осмысленно сконструированными (отрепетированными), так и спонтанными, могут подаваться чисто языковыми средствами, но также и телесными средствами – жестами «без слов».

Существует ли онтологический статус гендерного перформанса и перформативного аспекта всей политики гендера?

Если мы исходно будем определять гендерную принадлежность только как половую бинарность, вкладывая в это разделение природную заданность, то вопрос об онтологии как будто решается сам по себе. В расхожих и некритичных представлениях все обстоит именно так. Существующая проблема политического отношения власти к смене гендерных ролей (однополю любви и т.д.) рассматривалась бы в таком случае исключительно в репрессивном ключе, как наказание за девиацию, умышленное искажение природы вещей. Однако реалии политической жизни стран с либерально-демократическим устройством в их отношении к гендерным проблемам совсем иные. И это обстоятельство следует рассматривать как важную и значимую социально-философскую проблему.

Интересно в этой связи свериться с подходом У. Куайна, согласно которому онтология объекта (или то, что мы так называем) предопределяется «концептуальной схемой» языка. В этом отношении У. Куайн подсказывает нам нечто важное в понимании операциональности продвижения (эволюционирования) социальных практик, как череды сменяющих друг друга действий, опытов, идей и смыслов.

«Опыт», по У. Куайну, будучи производным от принятой языковой схемы, лишается онтологической определенности [4, с. 363-364]. Но если смысловое ударение понятия «опыт» перенести с высказывания на действие, конструирующее со-бытие социального, то позиция автора «Слова и объекта» может быть представлена как весьма продуктивная для дальнейшего развития темы, рассматриваемой в настоящей статье.

На первый взгляд, позиция Д. Лукача, согласно которой утверждается «социальная онтология», транслирует нечто противостоящее куайновской относительности.

Однако в нашем случае важно то, что Лукач исключает тотальность «онтологического давления» на эпоху, как он исключает и предрешенность этим «давлением» детерминации человеческих действий и поступков. В своей последней книге он высказывает позицию, согласно которой исходным пунктом рассмотрения общественного бытия должны быть элементарные факты повседневной жизни человека. «Нужно помнить о такой часто забываемой тривиальности, – пишет Лукач, – что поймать можно только реально существующего зайца и собрать можно только реально существующие ягоды и т.д.» [5, с. 37]. В данном случае следует обратить внимание на установление Лукачем своего рода запрета на *методы научного мышления*, исчерпывающе прогнозирующие социальный порядок на основании познанных законов развития общества. Их нельзя, по аналогии с физикой, вывести из каких-то регулярностей, пусть даже если они получены строго научным логическим способом, как на то рассчитывали неопозитивисты. Точно также, по Лукачу, нельзя вывести тотально прогнозирующие методы мышления из какой бы то ни было «общественно-исторической абстрактной софистики» [Там же, с. 393].

Именно эта позиция сближает наш исследовательский замысел с его подходом. Апеллируя к данному сходству, если не аналогии, мы получаем возможность дополнить лукачевские «события», «процессы», «практики труда» конкретными спонтанными и такими же конкретными сконструированными действиями людей – тем, что мы называем в настоящей статье «перформансами». «Бытие, – утверждает Д. Лукач, –

состоит из бесконечного числа взаимодействий процессуально изменяющихся комплексов, внутренне гетерогенного характера, которые <...> вызывают необратимые конкретные процессы» [Там же, с. 203].

Развивая мысль Лукача, мы получаем возможность осмыслить действие (в нашем случае – перформанс) в качестве операционального элемента как поддержания социальных отношений, так и воспроизводства их новообразований. Через воспроизводство таких «субстратов» общество в своем развитии получает инновационные импульсы, подталкивающие к новым возможностям его самоосуществления.

Однако подход Лукача не исчерпывает проблематику социальной онтологии, он лишь частично релевантен искомой проблеме фрагментарного социального действия.

Перформанс может быть представлен и как клинамен коммуникации, то есть как отклонение, закрепившееся фрагментарное событие, ставшее социальным со-бытием, звеном в эволюции социальных смыслов, порождаемых рекурсивными коммуникативными практиками.

Под клинаменом (от лат. *clinamen* – уклонение) в данном случае следует понимать внезапное отклонение от «прямого пути», выход из наезженной колеи чередования событий, смену устоявшегося способа формирования смыслов и привычного определения значений. В нашем случае речь идет об отклонении, проявившемся перформативно – как порождение новых социальных практик и социальных смыслов, спровоцированных спонтанным или осознанно сконструированным социальным действием.

Данная позиция может быть обоснована с использованием аргументов и положений системной теории, разработанной немецким социологом Н. Луманом. Согласно его подходу, вопрос о том, «существуют» ли системы в трансцендентально-онтологическом смысле, вовсе не является релевантным. В его системной теории на место онтологического различия «бытие / не-бытие» ставится различие «система / внешний мир» [3, с. 354-366].

Рекурсивные системы осуществляют свой рост за счет собственных операций так, что результаты предшествующих операций становятся основанием операций последующих. Применительно к проблеме политики гендера в его перформативном измерении продуктивно, на наш взгляд, использовать лумановское понятие «двойной контингенции». Русское слово «случайность» не полностью совпадает по смыслу с английским словом «контингентность» (*contingency*). (Термин «контингентность» включает несколько иные смыслы, чем термин «случайность», через него передаются антифундаменталистские установки, например, в современном неопрагматизме Ричарда Рорти [11].)

Луман выражает понятием «двойной контингенции» то, что социальная коммуникация всегда несет отпечаток неопределенности, неясности и непредсказуемости. Все выглядит так, что следующее наступившее событие в коммуникативном примыкании (рекурсии) может быть и другим. Поэтому каждое состоявшееся продолжение социальной коммуникации и всякое потенциально другое, возможное ее продолжение, как пишет Луман, «не необходимо и не невозможно» [6, с. 329-330].

Коммуникативную теорию социальных систем Лумана часто называют «супертеорией», потому как она включает в себя некую «тотальность» [2, с. 27]. Его теория социальных систем позволяет располагать только общим видением того, как операционально разрастается общественная коммуникация. Однако социологический и шире – социально-философский анализ все же не сводится к идеалу объяснения и требует перехода от сложного и предельно обобщенного описания к созданию своего рода «фона», составленного из «более частных» подходов и методов исследования, релевантных, с одной стороны, предельно обобщающей теории систем, с другой – предмету нашего исследования – политике гендера, взятой в ее конкретных действиях и событиях.

Поэтому дальнейшая аргументация политики гендера требует обращения к тем теоретическим подходам, которые открывают ее специфику, прежде всего, со стороны перформативного измерения самого гендера. На наш взгляд, такую перспективу поможет наиболее эффективно реализовать подход, предложенный одним из наиболее известных теоретиков гендерной перформативности Дж. Батлером [10], в котором речь идет о формировании гендерной идентичности через окликавание и повторение.

Список литературы

1. **Гендерное равноправие в России:** антология / под ред. Н. Л. Пушкаревой, М. Г. Муравьевой, Н. В. Новиковой. СПб.: Алетейя, 2008. 320 с.
2. **Егер В., Майер Х.-И.** Социальные изменения в социологических теориях современности / пер. с нем. В. В. Двойнева. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 236 с.
3. **Ивахненко Е. Н., Аттаева Л. И.** От метафизики и целерациональности к контингентности коммуникативных стратегий // Известия Смоленского государственного университета: ежеквартальный журнал. 2011. № 4 (16). С. 353-366.
4. **Куайн У. В. О.** Две догмы эмпиризма // Куайн У. В. О. Слово и объект / пер. с англ. М.: Логос; Практис, 2000. С. 342-367.
5. **Лукач Д.** К онтологии общественного бытия. Прологомены / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского и М. А. Хевеши. М.: Прогресс, 1991. 412 с.
6. **Луман Н.** Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Логос, 2007. 360 с.
7. **Основы гендерной политики (гендерология):** учебное пособие / под ред. Г. Климантовой. М.: Перспектива, 2008. 208 с.
8. **Тикнер Дж.** Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. Е. Бакалова и др. М.: Культурная революция, 2006. 336 с.
9. **Энциклопедия культурологии** [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/583/ПЕРФОРМАНС (дата обращения: 12.12.2012).
10. **Butler J.** The Psychic Life of Power. Theories in Subjection. Stanford: Stanford University Press, 1997. 218 p.
11. **Rorty R.** Contingency, Irony and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 201 p.

POLICY OF GENDER: IN SEARCH OF ADEQUATE RESEARCH METHODOLOGY

Obukhova Elena Nikolaevna*Russian State University for the Humanities
deva82@yandex.ru*

The author discusses the problem of studying the methodological foundations for the study of gender relations phenomena in modern classical sciences, tells that the significance of such problematic is conditioned by gender turning point in human philosophy, originating from the middle of the last century, and considers the social-philosophical and political-philosophical foundations for such methodology, revealed in the course of the analysis of gender relations influence on political processes.

Key words and phrases: gender policy; policy of gender; performativity; contingency; consolidation of experience.

УДК 32-027.21(073)

Политология

Рассматриваются особенности формирования двуязычной среды на Украине, определяются основные тенденции образовательной политики Украины в 1917-1920 гг., их влияние на развитие российско-украинского двуязычия. Отмечено, что создание украинской системы образования в период национальной революции было первой подобной попыткой на постимперском пространстве, когда вместе с существующими русскоязычными учебными заведениями были образованы украиноязычные. Подчеркивается, что молодое украинское государство не проводило тотальной насильственной украинизации, обратив возможные усилия на возрождение украинской нации, культуры и языка в условиях массового двуязычия.

Ключевые слова и фразы: Украина; язык; билингвизм; политика в сфере образования.

Панасюк Леонид Валерьевич, к.и.н., доцент*Киевский университет им. Бориса Гринченко, Украина
panlev@ukr.net***К ИСТОКАМ БИЛИНГВИЗМА НА УКРАИНЕ: ПОЛИТИКА УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ (1917-1920 ГГ.)[©]**

Формирование двуязычной среды на Украине непосредственно связано с образовательной политикой государств, в состав которых входили украинские земли. Политика Российской империи в образовательной сфере была главной причиной низкого уровня образованности украинского населения, одним из рычагов ассимиляции и денационализации.

Проблемы развития языковой ситуации в контексте образовательной политики на украинских землях нашли отображение в работах украинских лингвистов и историков – Т. Антонюк, Л. Масенко, М. Степаненко, О. Реента, российских исследователей – Н. Гуркиной, А. Миллера и др. На общеобразовательный уровень украинского крестьянства обратили внимание В. Демченко, О. Михайлюк. Развитие национальной школы активно анализируется в трудах П. Дробязко, Б. Ступарика, Т. Усатенко.

Однако малоизученными остаются условия формирования языковой составляющей украинского образования, влияние доминирующей русскоязычной среды на развитие национальной системы образования начала XX в., что и определило цель данного исследования.

Во время становления национальной государственности 1917-1920 гг. Украина впервые подошла к созданию собственно украинской системы образования, которая основывалась на национальных принципах, сохраняя широкие возможности для развития образования национальных меньшинств.

«Дерусификация» школы и образования вообще стала основным девизом украинского народа с первых дней революционного движения 1917 г. [8, с. 145]. Сразу же после падения царского режима украинская общественная организационная деятельность развивалась двумя путями: во-первых, было выдвинуто требование Временному правительству об украинизации школы, во-вторых, активизировался процесс самостоятельной организации украинских школ [3, с. 32-33].

На начальном этапе развития государственности развернулась широкая работа по созданию учебных планов, учебников, подготовке национальных педагогических кадров. Генеральный Секретариат образования открывает украинские высшие начальные школы, гимназии, Педагогическую академию, Академию искусств, созывает съезды учителей (апрель и август 1917 г.), представителей земств и городов, организывает разные курсы для учителей, в частности курсы украиноведения [9, с. 136]. На значительную активность по внедрению украиноведения в образовательной сфере обращает внимание украинский филолог А. Погрибный [7, с. 18].

Вместе с тем российское Временное правительство в апреле 1917 г. издало распоряжение о школах на Украине, по которому в начальных школах разрешалось обучение на украинском языке, а русский язык становился обязательным предметом, начиная со второго класса. В учительских семинариях внедрялись курсы